

ЦЕНА ПАМЯТИ

ПЕРЕПЛЕТАЯ ВЕЧНОСТЬ

Иногда люди знают друг друга больше, чем помнят.
И любят вопреки судьбе.

РИНА БРАЙЕР

Рина Брайер
Переплетая вечность.
Цена памяти

Серия «Переплетая вечность», книга 1

*<https://litres.ru/74014701>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Что, если ваша жизнь — это чей-то самый дорогой секрет?

Эшли — психолог, привыкшая помогать другим и живущая обычной жизнью. Но после аварии её собственное прошлое превратилось в пустоту: кто-то аккуратно вырвал оттуда несколько страниц. Она не помнит лиц, голосов, прикосновений. Только запах луговых цветов — и тихое, навязчивое чувство, что она потеряла нечто бесконечно важное.

Когда в её жизни появляется загадочный мужчина с глазами цвета вечности, всё меняется. Рафаил говорит загадками и смотрит так, будто уже терял её прежде.

Теперь Эшли предстоит узнать правду: кто она на самом деле и какую цену заплатил Рафаил.

Но готова ли она вспомнить то, что способно разрушить их обоих?

Содержание

Пролог. Перед рассветом	4
Глава 1. Пустые страницы	7
Глава 2. Между ударами сердца	16
Глава 3. Тот, кого не было	24
Глава 4. Доза тишины	36
Глава 5. Близко к краю	50
Глава 6. Хрупкая близость	69
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Переплетая вечность.

Цена памяти

Пролог. Перед рассветом

Сначала была темнота. Густая. Тёплая. Живая.

Она обнимала меня со всех сторон, как тяжёлое одеяло, из-под которого невозможно выбраться. Не давала ни дышать, ни думать, ни понять — жива ли я ещё или уже нет. Я не знала, где нахожусь. Не знала, кто я и есть ли у меня тело.

Была только тишина. И холод. Липкий, окутывающий каждую клетку моего тела, он поднимался снизу — от земли, от камней, от травы, от чего-то шершавого и влажного. Медленно пробирался в спину, в плечи, в затылок.

Я лежала и не могла пошевелиться. Не могла открыть глаза или закричать, словно меня забыли в этом мире, вычеркнули.

В какой-то момент мне показалось, что я уже умерла. Что это и есть смерть. Пустота. И ничего вокруг.

И вдруг раздался мужской голос.

— Эшли...

Он прозвучал так близко, словно внутри меня. Хриплый, сломанный и до боли знакомый.

— Эшли, милая, ты меня слышишь?

Я хотела ответить. Сказать: *«Да, я здесь, не уходи»*. Но моих губ словно не было.

— Пожалуйста... — продолжил он. — Останься со мной.

В этих словах было нечто страшное. Не просьба. Мольба. Как будто от моего ответа зависело всё.

Я почувствовала, как кто-то коснулся моей руки. Осторожно, словно я могла исчезнуть в любой момент.

— Этого не должно было случиться... — прошептал он.

— Я не имел права...

Он замолчал. И в этой тишине я вдруг поняла — он плачет.

Тихо. Без звука. Его выдавали только слёзы, капающие на мою кожу.

— Прости меня, — сказал он наконец. — За то, что я делаю.

Внутри меня что-то дрогнуло. Мир треснул. Перед глазами вспыхнули образы. Незнакомые, но в то же время родные.

Смех.

Тьма.

Чьи-то объятия.

Небо.

Крылья... Нет, этого не может быть.

Я увидела его лицо всего на миг. Но этого было достаточно, чтобы сердце сжалось от боли.

— Ты будешь жить, — едва слышно сказал он. — Даже

если мне придётся пожертвовать самым дорогим.

Моя грудь судорожно дёрнулась. Впервые. Как будто я попыталась вдохнуть.

— Ты не должна помнить.

Он наклонился ближе. Настолько, что я почувствовала его дыхание.

— Я всегда буду рядом, — пообещал он. — Я люблю тебя, Эшли. Больше всего на свете.

И тогда мир погас окончательно.

Глава 1. Пустые страницы

— Эшли.

Имя прозвучало резко, словно кто-то дёрнул за нить, натянутую где-то глубоко.

Я вздрогнула и подняла голову. Сердце сбилось с ритма — один глухой, лишний удар — и только потом продолжило биться чуть быстрее.

Оглядевшись по сторонам, я не сразу поняла, где нахожусь.

Узкие книжные полки, расставленные вдоль стены. Часы над дверью — без десяти двенадцать. Запах кофе и чего-то цитрусового.

Это был мой кабинет.

Напротив стола стояла Меган — в тёплом бежевом свитере, с папкой под мышкой и привычной лёгкой улыбкой, за которой всегда пряталась усталость.

— Ты меня вообще слышишь? — мягко уточнила она. — Я уже второй раз зову.

— Прости, — ответила я, удивляясь собственному голосу. Он прозвучал хрипло, отстранённо. — Задумалась.

Меган чуть наклонила голову, внимательно вглядываясь в моё лицо — профессиональная привычка, от которой никуда не деться, когда ты психолог даже не во время приёма.

— У тебя сейчас окно между клиентами, — сказала она.
— Я подумала, может, выпьем кофе?

Я машинально посмотрела на свой ежедневник. Клиент ушёл раньше, следующий — через четверть часа. Я не помнила, как закончился прошлый приём. В памяти остались только обрывки: чей-то голос, движение губ, звук карандаша, стучащего по бумаге. И ощущение, что я смотрела не на человека, а сквозь него.

— Да, — кивнула я быстрее, чем собиралась. — Кофе — это хорошая идея.

Меган улыбнулась шире:

— Я так и знала. Пойдём, пока нас не перехватили.

Когда коллега развернулась к двери, я поднялась из кресла и тут же почувствовала себя странно. На долю секунды пол качнулся, а по спине пробежал холодок, будто кто-то провёл по коже чем-то ледяным. Я сжала пальцы, впиваясь ногтями в ладонь, и сделала медленный вдох.

«*Всё нормально*», — повторила я про себя, взяв кружку со стола.

— Ты в порядке? — спросила Меган уже у двери, обернувшись.

— Да, — кивнула я, — конечно.

Меган задержала на мне взгляд на секунду, словно хотела сказать что-то ещё, но в итоге только пожала плечами.

В коридоре гулко отдавались шаги. Телефон у стойки администратора звонил слишком долго. Кто-то смеялся — ко-

ротко, нервно.

Я шла рядом с Меган и вдруг поймала себя на том, что прислушиваюсь к каждому звуку — будто ждала, что кто-то снова произнесёт моё имя.

— Ты сегодня какая-то напряжённая, — заметила коллега, когда мы остановились у кофемашины. — Тяжёлая ночь?

— Нет, — помотала головой я, — я нормально спала.

Это была правда. По крайней мере, я не помнила, чтобы просыпалась ночью.

Меган забрала чашку из моих рук и нажала кнопку на кофемашине.

— Похоже, ты просто перенапряглась. Ты в последнее время берёшь слишком много новых клиентов.

Я смотрела, как медленно ползёт вниз тонкая струйка кофе, и вдруг почувствовала непривычную пустоту внутри. Казалось, что-то важное только что ускользнуло, а я даже не успела понять, что именно.

— Возможно, — тихо сказала я.

Меган протянула мне чашку и улыбнулась.

— Держи. И давай без геройства сегодня, ладно?

Обхватив чашку ладонями, я вдохнула знакомый аромат. Тепло медленно возвращалось в пальцы.

— Хорошо, — кивнула я и сделала глоток.

Следующий клиент пришёл на три минуты раньше. Я успела вернуться в кабинет и машинально расправить плед на кресле напротив, когда в дверь осторожно постучали.

— Войдите.

Дверь приоткрылась, и в проёме появилась девушка лет двадцати семи — ухоженная, собранная, с небольшой сумкой на плече. Она улыбнулась, но улыбка была дежурной, надетой по привычке.

— Я к вам, — неуверенно сказала она.

— Проходите, — кивнула я.

Она села, аккуратно поставив сумку у ног, и сразу же поправила прядь волос — жест нервный, автоматический. Я отметила это, как и то, что она старается держать спину прямо, как на собеседовании.

— С чего вы хотели бы начать сегодня? — спросила я.

Девушка задумчиво посмотрела в сторону окна.

— С родителей, наверное, — тяжело выдохнула она.

Я не перебивала.

— Они постоянно недовольны, — продолжила девушка.

— Моей работой, моей жизнью, тем, что я до сих пор одна.

Она пожала плечами, пытаясь сбросить напряжение.

— И вы чувствуете себя виноватой? — уточнила я.

— Да, — быстро ответила она. — Хотя понимаю, что не должна.

Я сделала пометку в блокноте. Почерк был ровным, привычным. Я писала эти слова сотни раз.

Мама. Папа.

Слова отозвались странной пустотой — как комната, в которую ты заходишь и понимаешь, что мебель когда-то была,

но её давно вынесли. Я знала, что у меня есть родители, но если попытаться представить их лица — в голове возникала пустота.

— Они часто звонят? — спросила я, возвращая внимание к клиентке.

— Почти каждый день, — усмехнулась она. — Иногда кажется, что я живу не своей жизнью, а их ожиданиями.

Я кивнула.

— И что вы чувствуете, когда разговор заканчивается?

Она задумалась.

— Опустошение и злость. Но больше — стыд.

Я снова записала.

Стыд.

В голове мелькнула мысль — чужая и неуместная:

А если бы родители позвонили мне... я бы ответила? Или не узнала их голоса?

Я отложила ручку.

— Мы можем попробовать сегодня сосредоточиться на границах, — сказала я. — На том, где заканчиваются их ожидания и начинаются ваши желания.

Она кивнула, явно благодаря за направление.

Приём шёл спокойно. Мы говорили о детстве, о фразах, которые слишком долго звучат в голове, о страхе разочаровать. В какой-то момент она вскользь упомянула бывшего.

— Он говорил почти то же самое, — сказала она. — Что я слишком сложная и что со мной тяжело.

Я почувствовала лёгкое, почти незаметное напряжение в груди.

— Как вы восприняли эти слова? — спросила я.

— Странно, — ответила она после паузы. — Словно я должна стать кем-то другим, чтобы меня любили.

Я кивнула, сохраняя нейтральное выражение лица.

Любили.

Слово всплыло остро, болезненно, но без образа. Не лицо. Не голос. Только ощущение утраты, как от вырванного с корнем зуба: ты не помнишь боли, но знаешь, что она была.

Когда приём подошёл к концу, девушка выглядела спокойнее. Она поблагодарила меня и ушла, чуть увереннее, чем в начале.

Я осталась одна. Несколько секунд сидела неподвижно, глядя на пустое кресло напротив. Потом закрыла блокнот и провела ладонью по обложке — жест заземляющий, знакомый.

Я знала, кем я была здесь. Знала, что делаю. Я умела слушать чужие истории и помогать раскладывать их по полочкам.

И всё же, под всем этим, жило странное чувство: будто в моей собственной истории кто-то аккуратно вырвал несколько страниц после той аварии прошлой осенью.

Тогда я очнулась в больнице.

Без рывка, без крика, без того судорожного вдоха, кото-

рый показывают в фильмах. Просто в какой-то момент поняла, что лежу. Что над головой — потолок с мелкой трещиной в углу. Что в носу щекошет резкий запах антисептика, а тело ощущается странно — как чужое, тяжёлое, не до конца подчиняющееся.

Я не сразу поняла, где нахожусь. Сначала отдельные ощущения: холод, свет, чьё-то прикосновение к запястью. Затем звуки и приглушённые голоса.

И только потом пришла мысль: *со мной что-то случилось.*

Я попыталась вспомнить, что именно, но голова отозвалась тупой, вязкой болью. Мысли расплывались, не желая складываться в цельную картинку. Казалось, что я проснулась посреди фразы, начало которой кто-то аккуратно вырезал.

— Всё в порядке, — сказал высокий мужчина в белом халате, заметив, что я открыла глаза. — Вы в безопасности.

Я хотела спросить, что произошло, но язык едва слушался. Слова выходили медленно, с усилием, будто я училась говорить заново.

Позже врачи объяснили: авария. Скользкая дорога. Удар. Потеря сознания. Сотрясение. Ничего критического. *Повезло.*

Амнезия, по их словам, была нормальной реакцией организма на произошедшее.

— Такое бывает, — резюмировали они. — Память посте-

пенно вернётся.

Они говорили это слишком спокойно. И я только растерянно кивала в ответ, не понимая, чего ждать.

Воспоминания возвращались медленно. Иногда ночью, иногда — внезапно, посреди разговора. Я могла вдруг вспомнить имя медсестры, дорогу до работы до последнего поворота или то, что люблю кофе без сахара. Но между этими островками памяти зияли пустоты.

Я помнила события, но не помнила, кем была в них.

Родители погибли давно. Это я знала. Бывший существовал, но в больницу так и не пришёл. Рядом всё это время была лишь Меган.

Помню, как впервые увидела её у больничной койки — в пальто, которое та так и не сняла и с чашкой остывшего кофе в руках. Она улыбалась слишком старательно, будто боялась, что, если перестанет, мне станет хуже.

— Привет, я так рада, что ты жива, — сказала она тогда.
— Ты меня узнаёшь?

Я посмотрела на неё внимательно. Она была маленького роста, с хрупкой, почти прозрачной фигурой, словно созданной из фарфора.

Её лицо было знакомым. Где-то внутри отозвалось что-то спокойное, почти родное.

— Да, — ответила я после паузы. — Ты... Меган.

Она выдохнула с облегчением и отвернулась, делая вид, что ищет салфетки в сумке.

Потом она рассказала мне всё, что могла. Кто я, где работаю. Что мы коллеги и дружим уже несколько лет.

Меган не давила и не торопила. Если я что-то не помнила, она просто говорила:

— Ничего, это неважно. Вспомнишь — хорошо. Не вспомнишь — тоже справимся.

Подруга приносила мне книги, которые, по её словам, я любила. Рассказывала смешные истории с работы и делала вид, что ничего страшного не произошло. И иногда мне казалось, что она следит за тем, что говорит, боясь произнести лишнее.

Я училась жить заново — аккуратно, шаг за шагом, не глядя слишком пристально на пробелы. И со временем мир действительно начал складываться обратно. Он был уже не таким, как раньше — другим, но достаточно устойчивым, чтобы на него можно было опереться. И всё же, даже спустя год, оставалось чувство, что из меня аккуратно вынули что-то важное и решили, что я этого не замечу.

Глава 2. Между ударами сердца

Я вышла из кабинета уже под вечер. Закрывает дверь, проверив замок дважды — привычка, появившаяся после аварии и так и не ушедшая.

В коридоре стало тише: администратор собирала сумку, кто-то из коллег прощался вполголоса.

— До встречи, Эшли, — сказала Меган, махнув мне рукой.

— До встречи, — ответила я, улыбнувшись.

На улице было прохладно. Тот самый город, который я знала наизусть и всё равно каждый раз проверяла, на месте ли он. Узкие улицы, витрины, одинаковые балконы.

Я шла пешком, не спеша, мимо знакомой пекарни с запахом ванили, мимо остановки, где всегда стояла одна и та же скамейка с облупившейся краской.

Не глядя по сторонам, я свернула в знакомый переулок. Я ходила здесь сотни раз — короткий путь между оживлёнными улицами. Ничего нового. И всё же в этот раз я замедлилась.

На стене напротив кто-то нарисовал свежий граффити. Тёмные крылья, распахнутые слишком широко. Человеческий силуэт посередине — то ли падающий, то ли уже сброшенный вниз. Краска ещё блестела, не успев высохнуть.

Почему-то я остановила на нём взгляд. Всего на секунду, но этой секунды хватило.

— Ай!

Глухой удар сбоку. Меня швырнуло на землю. Мир перевернулся, и асфальт больно ударил в ладони и колени. Воздух выбило из лёгких.

Где-то рядом пронёсся велосипедный звонок.

— Извините! — крикнул кто-то уже издалека.

Я подняла голову и увидела только удаляющуюся спину. Велосипедист быстро растворился в толпе, словно его и не было.

— Отлично... — пробормотала я.

Рука горела. Я посмотрела на ладонь — кожа была содрана, выступила кровь, смешиваясь с пылью.

— Чёрт! Только этого мне не хватало.

Я попыталась встать, но голова предательски закружилась. Пришлось снова опереться на тротуар.

— Вам плохо?

Голос прозвучал слишком близко. Я вздрогнула и подняла глаза.

Передо мной стоял мужчина лет тридцати. Тёмная куртка, внимательный взгляд, слишком спокойный для случайного прохожего. В руках он держал небольшую чёрную медицинскую сумку — аккуратную и слегка поношенную, но явно служившую верой и правдой. Я даже не заметила, как он появился.

— Я... нормально, — сказала я, хотя это было неправдой.
Он присел рядом со мной.

— Не двигайтесь резко, дайте я посмотрю.

— Подождите, я не...

Мужчина не слушал. Он достал из сумки салфетки, антисептик, бинт — быстро, уверенно, будто делал это каждый день.

— Вы ударились головой? — спросил он.

— Кажется, нет...

— Головокружение есть?

Я замаялась.

— Немного.

— Так и думал, — он внимательно посмотрел на меня и аккуратно взял мою руку. — Потерпите, будет неприятно.

Антисептик защищал, я поморщилась.

— Всё в порядке, — сказал незнакомец мягко. — Рана неглубокая, но лучше не рисковать.

— Не рисковать? — переспросила я.

Он перебинтовал ладонь, затем помог мне сесть ровнее.

— Вам нужно пройти полный осмотр, — продолжил он.

— На всякий случай.

— Я в порядке, так что...

— Вы сейчас не можете это оценить, — перебил он слишком резко и тут же добавил более спокойным тоном: — Простите. Просто я врач и вижу, когда человеку нужна помощь.

— А вы всегда ходите по городу с аптечкой? — не удержался он.

жалась я.

Уголок его губ дрогнул.

— Привычка, — он встал и протянул мне руку. — Здесь рядом хорошая клиника. Пять минут на машине. Давайте я отвезу вас.

— На машине?

— Да, моя припаркована за углом.

Я посмотрела вокруг. Люди проходили мимо, не обращая на нас внимания. Никто не задерживался. Что-то в груди меня сжалось, словно невидимая рука легла на грудь.

— Правда, всё нормально, — сказала я. — Я просто пойду домой, не переживайте...

— Нет, — снова перебил он. — Вы сейчас в шоковом состоянии, вы не понимаете, что...

Он осёкся.

Я вдруг почувствовала странное давление в голове. Внутри прозвучало: *«Уходи. Сейчас же»*

Я моргнула, сердце забилося чаще.

— Мне не нужно в клинику, — сказала я, стараясь придать голосу твёрдость.

Мужчина всё ещё держал руку протянутой.

— Нужно, — ответил он спокойно, и в его голосе появились стальные нотки. — Поверьте, такие случаи игнорировать нельзя.

— Какие такие?

Он на секунду замолчал.

— Когда человек уже однажды почти перешёл.

Холод пробежал по спине.

— Откуда вы знаете, что я...?

— Забудьте, — тут же сказал он.

Мужчина торопливо начал складывать всё обратно в сумку.

— Мне пора, — бросил он. — Берегите себя.

Через несколько секунд его тёмная куртка исчезла за углом, как будто мужчины здесь никогда и не было. Я поёжилась. Откуда он мог знать? Я встала, отряхнулась и медленно побрела домой, чувствуя, что столкновение было случайным. А вот он — нет.

Мой дом был всего в нескольких кварталах. Небольшой, светлый, безликий — такой, который легко потерять из виду.

Я поднялась по лестнице, открыла дверь и вошла в квартиру.

Внутри было слишком... правильно. Чисто. Пусто. Без всяких следов прошлого. Светлые стены, минимум мебели, никаких лишних вещей. Ни одной фотографии, за которую можно было бы зацепиться.

Я сняла пальто, повесила его на крючок и перевела взгляд на цветы.

Они стояли на столе, как обычно. Простые луговые цветы в стеклянной вазе. Ромашки, васильки, что-то ещё, названий чего я не знала. Немного неуместные в этом стерильном

пространстве, как живое пятно на идеально вычищенной поверхности. Я покупала их каждую неделю, сама не знаю почему.

Я подошла ближе, осторожно коснулась лепестков кончиками пальцев. Почему именно луговые? Ответа не было. Только тихое, упрямое чувство, что так должно быть. Что если перестать их покупать — исчезнет что-то ещё. Что-то важное. Даже если я не помню, что именно.

Таблетки, привычные и рутинные, как часть вечернего ритуала. Я выпила их, не задумываясь, как делала это уже много месяцев подряд. После них тело всегда становилось тяжёлым, мысли вязкими, а реальность далёкой.

Я легла, натянула одеяло до подбородка и закрыла глаза. Сон накрыл меня почти сразу тёплой, плотной волной.

Мне снился огромный сад.

Он был похож на те, что рисуют в старых книгах: аккуратные дорожки из светлого камня, ухоженные кусты и цветущие арки, утопающие в зелени. Воздух был наполнен запахом жасмина и влажной земли. Между деревьями возвышались белые статуи — женщины, ангелы, безмянные фигуры с пустыми лицами. Они смотрели куда-то мимо меня, будто знали больше, чем я.

Я шла медленно, наслаждаясь тишиной. Каждый шаг отзывался мягким эхом. Лёгкий ветер шевелил листья, и казалось, сад шепчет что-то на своём, только ему понятном языке.

ке. Мне было спокойно.

И вдруг я поняла, что сад больше не дышит. Воздух стал холоднее, запахи исчезли. Птицы, которых я даже не замечала раньше, замолкли. В груди появилось странное ощущение — словно меня окликнули, но я не услышала слов.

Я обернулась. И в этот момент проснулась.

Комната была погружена в полумрак. Часы на тумбочке тускло светились, показывая далеко за полночь. Сердце билось чуть быстрее обычного, а во рту ощущалась сухость — знакомое побочное действие таблеток.

Я уже собиралась снова закрыть глаза, когда заметила что-то странное за окном. На фоне ночного неба мелькнул силуэт. Тёмный, расплывчатый, словно тень, не принадлежащая ни одному телу. Он скользнул вдоль стекла и исчез. Вслед за ним что-то едва заметно шевельнулось.

Я резко села. Седьмой этаж.

Эта мысль ударила, как холодная вода. Здесь не могло быть никого. Ни людей, ни животных. Ни даже птиц в такое время.

Собравшись с мыслями, я, медленно поднялась с кровати, подошла к окну и отодвинула штору.

За стеклом было пусто. Только бледная луна висела над крышами домов. Её свет ложился на асфальт, деревья и припаркованные машины, превращая всё в чужой, нереальный пейзаж. Никаких силуэтов, никакого движения.

Ещё несколько секунд я сосредоточенно всматривалась в

ночь, надеясь, что она выдаст свой секрет. Но она молчала.

Наверное, показалось.

Тяжело вздохнув, я задвинула штору и вернулась в постель. Одеяло снова стало тяжёлым и тёплым. Мысли медленно рассыпались, как песок сквозь пальцы. Я закрыла глаза и позволила темноте снова накрыть меня.

Глава 3. Тот, кого не было

Утром я проснулась позже обычного.

Осознание, что сегодня выходной, пришло не сразу, но после разлилось по телу тёплым, почти детским облегчением. Не нужно было никуда бежать и ни под кого подстраиваться.

Медленно потянувшись, я почувствовала, как тело неохотно возвращается в реальность. Голова всё ещё была тяжёлой.

На кухне было тихо.

Я включила кофеварку, наблюдая, как загорается маленький красный огонёк, и вскоре по квартире поплыл знакомый, горьковато-тёплый запах начала дня.

Пока кофе готовился, я умывалась, расчёсывала волосы, машинально выполняя утреннюю рутину. Всё было привычным, устойчивым, мир снова вставал на своё место.

За окном медленно просыпалась осень.

Деревья уже начинали желтеть, листья лениво покачивались на ветру, а солнце светило неярко, осторожно, боясь потревожить тишину. Его лучи ложились на подоконник, чашку, стол — и в этом свете всё казалось спокойным, почти безопасным.

Я устроилась с кофе у окна, и вдруг, совершенно некта-

ти, в памяти всплыл обрывок ночи. Тёмное стекло, лунный свет и странное ощущение, будто за окном мелькнул чей-то силуэт.

На мгновение я нахмурилась, пытаюсь удержать это воспоминание, но оно тут же расплылось, как туман. Наверное, просто сон, наложившийся на пробуждение. Я с раздражением отогнала эту мысль.

Глупости. Сегодня был выходной. День для покоя, а не для тревог. Я собиралась провести день дома и просто позволить себе ничего не делать.

Резкий звук телефона вырвал меня из задумчивости. На экране высветился знакомый номер клиники.

Я ответила не сразу.

— Доброе утро, — голос администратора звучал немного виновато. — Прости, что беспокою в выходной, но тут такая ситуация...

Я молча слушала, делая глоток уже остывающего кофе.

— У нас клиент. Он настаивает, чтобы его приняла именно ты. Говорит, что больше ни к кому не пойдёт. И переносить визит на другой день отказывается.

Я замерла.

— Но сегодня не моя смена, — автоматически ответила я.

— Я знаю, — вздохнула она. — Мы ему это объяснили несколько раз. Но он очень настойчивый. Сказал, что будет ждать сколько угодно.

В груди шевельнулось беспокойство.

Обычно клиенты не выбирали. Они соглашались на того специалиста, который был доступен. Постоянные же приходили по заранее согласованному графику. Просить именно меня было... необычно.

— Он сказал, откуда меня знает? — спросила я.

— Нет, — после паузы ответила администратор. — Просто повторяет твоё имя.

Я посмотрела в окно — мир выглядел обычным. И всё же внутри появилось лёгкое беспокойство — почти незаметное, но настойчивое, как тихий звон в ушах.

— Он давно ждёт? — спросила я.

— Уже час.

Я вздохнула. Выходной медленно таял где-то между недопитым кофе и мигающим экраном телефона.

— Ладно, — сказала я наконец. — Я скоро буду, проводи его ко мне в кабинет.

— Спасибо тебе огромное, — с облегчением ответила она.

Звонок оборвался. Я положила телефон на стол и несколько секунд просто смотрела на него.

Почему именно я? Эта мысль не давала покоя. Но я снова отмахнулась от неё — так же, как от ночного воспоминания. Наверное, всё это просто совпадения.

Я допила кофе и пошла собираться. В конце концов, это всего лишь работа.

В клинику я приехала быстрее, чем ожидала.

В холле было привычно тихо. Запах антисептика, приглушённые голоса, мягкий свет ламп — всё это всегда действовало на меня успокаивающе. Мир здесь становился чуть более упорядоченным, чем снаружи.

Увидев меня, администратор заметно оживилась.

— Ты приехала, спасибо тебе, я просто не знала, что делать... — сказала она, вставая. — Клиент в твоём кабинете.

Я сняла пальто, повесила его на спинку стула и кивнула.

— Он заполнил анкету? — спросила я по привычке, открывая рабочую папку.

Администратор замялась.

— Нет... Он отказался.

Я подняла на неё вопросительный взгляд.

— В смысле?

— Сказал, что это не имеет значения, — пожала она плечами. — И что ты и так всё узнаешь.

Эта фраза мне не понравилась.

— Ладно, — пожала плечами я. — Я разберусь.

Коридор казался длиннее, чем обычно. Мои шаги отдавались приглушённым эхом, а в груди росло странное напряжение — будто я шла не на обычную консультацию, а на встречу, к которой была совершенно не готова.

Остановившись у двери кабинета, я мысленно досчитала до трёх, собираясь с мыслями, открыла дверь и замерла.

У окна стоял мужчина.

Высокий. Стройный. Чёрные волосы слегка спадали на лоб, отражая солнечный свет, и придавали его облику мягкую, почти загадочную живость. Руки глубоко в карманах, плечи слегка расслаблены. Мой взгляд зацепился за его профиль: чёткие линии подбородка, прямой нос, чуть сжатые губы.

Услышав, что я вошла, он обернулся. Наши взгляды встретились, и на его лице вспыхнула улыбка — лёгкая, робкая, словно испуганная собственной искренностью. Но едва появившись, она застыла на губах, не успев отразить всю полноту эмоций. Эта улыбка была слишком настоящей, чтобы быть выверенной, и именно в её неловкой, хрупкой искренности чувствовалась странная притягательность.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы снова начать дышать.

Мужчина был абсолютно мне незнаком. Я была уверена, что никогда не видела его раньше. И всё же... Эту улыбку я знала. Так же отчётливо, как своё отражение в зеркале. Но не понимала, откуда.

— Здравствуйте, — сказала я наконец, стараясь, чтобы голос звучал профессионально.

Он кивнул:

— Здравствуйте.

Голос был тёплым и чуть хриловатым. И от него внутри что-то болезненно сжалось.

Я медленно опустилась в своё кресло, он сел напротив, на

самый край кресла, не решаясь занять больше пространства, чем ему позволено.

Открыв блокнот, я щёлкнула ручкой и машинально приняла рабочую позу.

— Для начала давайте познакомимся, — сказала я спокойно. — Кто я, вы, судя по всему, уже знаете, раз настаивали именно на встрече со мной. А как зовут вас?

Он посмотрел на меня, потом на блокнот. В его глазах мелькнула тень сомнения. Этот простой вопрос вдруг оказался для него очень сложным.

— Я бы предпочёл остаться анонимным, — произнёс он после паузы. — Если вы не против.

Я удивилась, но внешне никак этого не показала.

— Хорошо, — кивнула я. — Тогда как мне к вам обращаться?

Он чуть грустно улыбнулся.

— Никак, — ответил он. — Мне так будет легче.

Я помедлила и поставила в блокноте маленькую точку вместо имени.

— Как вам удобно, — сказала я, возвращаясь к нейтральному тону.

Собеседник выдохнул, словно сбросил с плеч невидимый груз. И только теперь я заметила, как сильно он напряжён. Его пальцы то сжимались, то разжимались. Он касался часов на запястье, проводил рукой по колену, иногда слегка показывал ногой. Все эти мелочи выдавали напряжение, которое

он пытался скрыть.

— Так чем я могу вам помочь? — спросила я мягко.

Он задумался.

— Я... — начал он и замолчал. — Мне сложно это сформулировать.

Я терпеливо ждала.

— Иногда мне кажется, — продолжил он, — что я потерял что-то очень важное. Не предмет и даже не человека. А часть себя.

Я слегка нахмурилась.

— Как часто у вас возникает такое чувство?

— Довольно часто, — негромко ответил он. — В последний год — постоянно.

Он смотрел прямо на меня. Не навязчиво, а с удивительной внимательностью. Казалось, что каждая деталь была для него важна. Его зелёные глаза изучали меня, пытаясь запомнить каждое движение.

Мне стало не по себе, но вместе с тем странно спокойно.

— Что случилось год назад? — спросила я.

— В каком смысле? — он удивлённо вскинул бровь.

— Вы сказали, что в последний год вы испытываете это чувство постоянно, — мягко пояснила я. — Значит, был какой-то триггер?

— Была одна... катастрофа, — ответил он после паузы, медленно подбирая слова.

Слово резануло слух.

— Авария? — уточнила я, сама не понимая, почему.

Он вздрогнул. Совсем чуть-чуть, но я заметила.

— Можно сказать и так, — произнёс мужчина и прикрыл глаза.

Он говорил дальше — странно, обтекаемо, словно ходил вокруг главного, не решаясь подойти ближе. О чувствах, которые не имеют адресата, о воспоминаниях, которых нет. О снах, где он ищет кого-то в бесконечных пустых комнатах, открывая двери, за которыми снова только стены. О страхе потерять снова — даже не зная, что именно.

Иногда он замолкал и просто смотрел на меня. И в эти моменты в его глазах появлялось нечто такое, от чего у меня перехватывало дыхание. Тоска. Нежность. А может быть, вина? Такая, какую не испытывают к незнакомым людям.

Я ловила себя на том, что забываю делать пометки. Забываю о времени и о том, что это сеанс. Не покидало чувство, что мы разговариваем не впервые. В какой-то момент мне показалось, что я уже слышала этот голос. Но память молчала.

И вдруг он тихо спросил:

— Как вы думаете, если тебя сделали счастливым, отняв у тебя правду — это любовь или насилие?

К этому вопросу я была не готова.

— Я думаю, — медленно протянула я. — Настоящая любовь не боится правды, она принимает её вместе со всеми трудностями.

Он слегка наклонил голову, его зелёные глаза не отрывались от меня, ждали продолжения.

— А если человек не умеет быть честным, — продолжила я, — если ему проще закрыть глаза на то, что важно другому, тогда это уже насилие. Даже если в нём есть забота, это насилие, потому что ты выбираешь за другого, что ему можно чувствовать и знать.

Я подняла на него глаза, и в его молчании ощущалась какая-то скрытая напряжённость, словно он слушал каждое биение моего сердца.

— Любовь не может быть спокойной иллюзией, — шепнула я себе, — она требует риска, открытости. Даже если это больно.

Он улыбнулся, но улыбка была не лёгкая, а глубокая, болезненная.

— Тогда... — он замолчал. — Мы почти всегда выбираем насилие.

— Почему вы задали этот вопрос? — спросила я, хватая в руки блокнот.

Он сжал пальцы в кулак, тут же разжал.

— Неважно. Забудьте.

В комнате стало слишком тихо.

— Ответьте, — сказала я слишком резко. Я нарушала границы и прекрасно это понимала.

Он посмотрел на меня так, словно хотел сказать всё прямо сейчас, но не имел права.

— Потому что, — прошептал он наконец, — иногда любовь — это не быть рядом, а отпустить. И жить с этим.

У меня защипало в глазах. Почему-то мне хотелось дотронуться до его руки и одновременно бежать как можно дальше, не оглядываясь.

Сеанс закончился незаметно. Когда я посмотрела на часы, прошло больше двух часов.

— Спасибо, — сказал он, вставая. — За то, что выслушали.

— Мы можем продолжить, если хотите, — автоматически ответила я.

Он улыбнулся. Снова той самой болезненно знакомой улыбкой.

— Я очень хочу, — вполголоса сказал он. — Но боюсь, это для меня непозволительная роскошь.

— Если дело в деньгах, — быстро заговорила я, вставая из-за стола, — то мы можем договориться о хорошей скидке.

Он усмехнулся:

— Если бы дело было только в деньгах, Эшли.

Имя прозвучало так, будто он произносил его много раз раньше. Мужчина задержал на мне взгляд лишь на секунду и направился к двери.

Выходя, он на секунду остановился.

— Эшли... Вы счастливы? — спросил он вдруг.

Я растерялась.

— Я... — шёпотом начала я, подбирая слова. — Стараюсь

быть счастливой.

— Это главное, — кивнул он. — Тогда нам действительно пора попрощаться.

Мне нестерпимо захотелось сказать что-то ещё, остановить его. Но он ушёл прежде, чем я успела что-то произнести.

Несколько секунд я стояла неподвижно, глядя на ручку двери. Сердце стучало слишком быстро, дыхание сбилось, в груди осталось ощущение незаконченности. Я медленно вернулась к столу и опустилась в кресло.

В кабинете всё было на своих местах — блокнот, ручка, пустое кресло напротив. Солнечный свет всё так же падал на пол, будто ничего не произошло. Словно здесь только что не сидел мужчина, от одного взгляда которого у меня дрожали пальцы.

«Возьми себя в руки», — сказала я себе.

Я закрыла блокнот. Потом открыла снова. На странице — маленькая точка вместо имени и ни одной записи за весь сеанс.

Странно. Я всегда писала. Даже когда старалась быть максимально вовлечённой, всё равно фиксировала ключевые слова, интонации, паузы. А сейчас здесь пусто. Как будто я не имела права что-либо о нём записывать.

Я откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. Его голос всё ещё звучал в голове.

Если тебя сделали счастливым, отняв у тебя правду —

это любовь или насилие?

— Чёрт, — выдохнула я неслышно.

Глава 4. Доза тишины

Я осталась в кабинете дольше, чем собиралась. Просто сидела, глядя в одну точку, прокручивая в голове его улыбку, паузы между словами, то, как он произнёс моё имя — слишком естественно, слишком... лично.

Я уже собиралась встать, когда дверь неожиданно приоткрылась.

— Эшли?

В проёме стояла Меган.

— Меган? У тебя разве не выходной?

Девушка широко улыбнулась.

— Вообще-то, да, — ответила она и сделала шаг внутрь.

— Я буквально на минутку забежала кое-что забрать.

Она помахала в воздухе папкой, которую держала в руках. Я нахмурилась.

— В выходной? — уточнила я.

— Ну... — Меган пожала плечами и отвела глаза. — Знаешь, как бывает. Забыла пару бумаг, а потом весь день думала, что они здесь.

Она говорила легко, небрежно, но что-то в её голосе показалось мне неестественным. Слишком много слов для простого объяснения. И она не смотрела мне в глаза — ходила по кабинету и искала, чем занять руки.

— Ты в порядке? — спросила она наконец, бросив на меня быстрый взгляд.

— Я... — начала я и запнулась. — Наверное, да.

Меган внимательно посмотрела мне в глаза. Не как коллега, а как человек, который знает тебя очень давно.

— Был сложный клиент? — спросила она мягко.

Я колебалась. Мне почему-то не хотелось рассказывать. Словно этот разговор был чем-то не предназначенным для других.

— Необычный, — подобрала слово я.

Меган кивнула, будто ожидала именно этого ответа.

— Слушай, — сказала она вдруг, — может, выйдем прогуляться?

Я удивлённо посмотрела на неё.

— Прогуляться?

— Да. Просто пройтись, подышать воздухом. Ты сегодня явно не в ресурсе, — она улыбнулась, но в глазах мелькнула тревога. — Да и мне, если честно, тоже не помешает.

— Но ты же сказала, что забежала всего на минуту.

— Ну, документы я уже забрала, — Меган вздохнула. — Теперь можно и прогуляться. Планов у меня всё равно нет.

Она попыталась сказать это шутливо, но я поймала себя на ощущении, что она торопится. Казалось, ей важно вывести меня отсюда прямо сейчас.

Я посмотрела в окно, на пустое кресло напротив, на точку в блокноте. И вдруг поняла, что не хочу оставаться здесь

одна.

— Хорошо, — сказала я после паузы.

— Отлично. Бери пальто и пойдём.

Когда мы вышли из кабинета, в голове мелькнула странная, абсурдная мысль: словно я оставила внутри не просто комнату, а что-то ещё. Что-то, к чему мне не дали вернуться.

И почему-то мне показалось, что Меган это знала.

Парк встретил нас тишиной, какая бывает только в будние дни. Листья шуршали под ногами, редкие прохожие шли медленно, никуда не спеша. Воздух был прохладным, прозрачным, с запахом влажной земли и прелой листвы. Я вдохнула глубже, чувствуя, как напряжение в плечах понемногу ослабевает.

— Хорошо, что ты согласилась, — сказала Меган, шагая рядом. — В кабинете ты выглядела потерянной.

— Наверное, так и было, — честно ответила я. — День странный.

— Из-за клиента? — как бы между прочим уточнила она. Я усмехнулась.

— Ты плохо скрываешь профессиональный интерес.

— Я не профессионально, — возразила она. — А по-дружески.

Мы прошли мимо старых клёнов, и Меган снова заговорила — легко, почти шутливо:

— Так кто он? Постоянный? Новый?

— Новый, — сказала я. — И... необычный.

— В каком смысле?

Я пожала плечами.

— Он настоял, чтобы его приняла именно я. Не представился и не заполнил анкету.

Меган замедлила шаг.

— И о чём вы говорили?

— О потере, — ответила я после короткой паузы. — О чувствах, которые не имеют воспоминаний.

— Хм, — протянула она. — А как он выглядел?

Вопрос прозвучал чересчур быстро. Я посмотрела на неё.

— Обычный мужчина. К чему такие вопросы?

— Да так, — Меган тут же улыбнулась. — Просто любопытно. Иногда клиенты бывают очень интересными.

Я кивнула, но где-то глубоко остался лёгкий укол насто-
роженности.

Мы уже подходили к центральной аллее, когда до нас до-
неслась музыка. Тонкая, протяжная мелодия скрипки сколь-
зила между деревьями, огибая ветви и лавочки. У подножия
фонаря стоял уличный музыкант, его смычок плавно бегал
по струнам, а в движениях была лёгкая усталость и сосре-
доченность одновременно. Музыка была одновременно пе-
чальной и светлой — такой, от которой внезапно щемит в
груди без всякой причины, словно сама улица затаила дыха-
ние, слушая его.

Я остановилась.

— Слышишь? — спросила Меган.

Но я уже не слышала её. Музыка накрыла меня целиком. Шаг. Ещё шаг. И вдруг мир вокруг дрогнул.

...Открытое окно. Полупрозрачная штора колыхается от ветра. В комнате сумерки — не ночь, не вечер, что-то между.

Он стоит спиной ко мне. Скрипка под его подбородком, плечи чуть напряжены. Я не вижу лица — только силуэт на фоне света из окна. Но я знаю: это он. Знаю так же точно, как своё имя.

Музыка льётся свободно, легко, словно он играет не для кого-то, а *для нас*. Для этого мгновения.

Я чувствую тепло, спокойствие и чистое, почти болезненное счастье.

Мелодия резко обрывается, и он оборачивается.

— Эшли... — зовёт он и в этом голосе так много нежности.

— Эшли!

Я резко моргнула.

— Эшли!

Я сидела на холодной деревянной лавочке. Руки дрожали, мышцы напряглись, а каждое движение давалось с усилием, всё тело сопротивлялось.

Передо мной застыла Меган, присев на корточки, её лицо было напряжённым, почти испуганным.

— Ты меня напугала, — сказала она и притянула мою руку к себе. — Ты просто остановилась, а потом села и отключилась.

— У меня... — я провела свободной ладонью по виску.
— Просто закружилась голова.

Это была правда. Но не вся.

— И ещё, — добавила я тихо, сомневаясь в своих словах,
— было воспоминание.

Меган замерла.

— Какое?

— Человек, — сказала я, подбирая слова. — Мужчина. Он играл на скрипке. Я не видела его лица, но мне было с ним хорошо и почему-то очень спокойно.

Меган медленно выпрямилась. Её взгляд стал расфокусированным, она смотрела не на меня, а куда-то сквозь.

— Ты уверена, что это воспоминание? — спросила она шёпотом. — Может, просто всплыл образ из фильма или недавно прочитанной книги?

— Я не знаю, — честно ответила я. — Но это было так реально.

Она села рядом со мной на лавочку, сцепив пальцы.

Несколько секунд мы молчали. Потом Меган глубоко вздохнула.

— Эшли, — сказала она осторожно, — я думаю, тебе стоит показаться врачу.

— Сейчас?

— Да, — быстро ответила она. — Лучше не откладывать. Я нахмурилась.

— Ты действительно думаешь, что мне нужен врач?

Подруга повернулась ко мне. В её глазах мелькнул настоящий, плохо скрываемый страх.

— Пусть обследует, — сказала она. — Лишним не будет, тем более после твоего вчерашнего падения.

Я не успела спросить у Меган, откуда она узнала о падении. И почему я не помню, чтобы рассказывала ей об этом. Она уже схватила телефон и начала набирать номер такси. Пальцы двигались быстро и уверенно. Я смотрела на дорогу перед парком — серый асфальт, устланный опавшими листьями, и старалась собраться с мыслями.

Голова всё ещё оставалась тяжёлой, внутри что-то сдвинулось и не торопилось возвращаться на место, заставляя мир казаться слегка неровным и чужим.

— Всё будет хорошо, — сказала Меган, когда мы сели в машину. — Просто проверка.

Я кивнула.

Такси тронулось, и город мягко поплыл за окном. Через несколько минут я уже узнавала маршрут. Слишком уж хорошо я его знала.

— Мы едем в... — начала я.

— Да, — кивнула Меган, не дожидаясь, пока я закончу. — В ту же клинику.

Мне не хотелось туда возвращаться.

Здание появилось из-за поворота — серое, с чёткими линиями, большими окнами и аккуратной вывеской. Ничего угрожающего, ничего лишнего. И всё же в груди неприятно ёкнуло, словно тело узнало место раньше разума. После аварии я провела здесь чрезвычайно много времени.

Коридоры, по которым мы шли, были до боли знакомы. Такой же запах, тот же приглушённый свет. Даже звук шагов отдавался точно так же, как год назад. В какой-то момент мне показалось, что я иду не рядом с Меган, а снова медленно прихожу в себя, держась за чужую руку.

— Ты побледнела, — заметила подруга.

— Я в порядке, — ответила я автоматически.

Кабинет врача не изменился — деревянный стол посередине, полки с аккуратно расставленными папками. Даже картина на стене — абстрактные линии в холодных тонах — висела на том же месте.

Он посмотрел на меня и буднично кивнул, словно мы виделись только вчера.

— Эшли, — сказал он спокойно. — Проходите.

— Добрый день, доктор Ричардс.

Я села напротив. Меган осталась чуть в стороне, у стены.

Осмотр был быстрым, почти формальным. Привычные вопросы: головокружение, сны, провалы, тревожность. Я отвечала честно, но ловила себя на ощущении, что главное остаётся между строк.

В какой-то момент врач встал и подошёл к окну, делая

пометки в карте.

— Это было похоже на вспышку памяти? — спросил он, не оборачиваясь.

— Да, — ответила я. — Всё было очень чётко.

Он кивнул, словно ожидал именно этого.

— Меган, — сказал он, — вы можете подойти?

Я напряглась.

Они говорили негромко. Не шёпотом, но так, чтобы я не расслышала слов. Обрывки долетали до меня, как эхо: «рано... стимул... музыка... триггер... мы же договаривались... она примет их...»

Я сжала пальцы на подлокотнике кресла.

— Простите, — не выдержала я, — вы говорите обо мне?

Они замолчали почти синхронно.

Врач обернулся и посмотрел на меня с тем самым выражением — профессионально спокойным, но чуть напряжённым.

— Конечно, — его голос был слишком ровным. — Мы просто обсуждаем вашу динамику.

Он вернулся за стол и аккуратно закрыл карту.

— В целом ничего критического, — подытожил он. — Но учитывая появление воспоминаний и соматическую реакцию, я бы рекомендовал скорректировать терапию.

— В каком смысле? — спросила я.

Он сложил руки на столе.

— Увеличить дозу препаратов, — сухо произнёс он. —

Ненамного. Это поможет сгладить подобные эпизоды.

— Сгладить... воспоминания? — уточнила я.

Врач выдержал паузу.

— Сгладить перегруз, — поправил он. — Сейчас ваша психика слишком активно пытается восстановить то, к чему вы не готовы.

Я почувствовала, как во мне поднимается сопротивление.

— А если я готова? — спросила я резче, чем планировала.

Он посмотрел на Меган. Всего на секунду.

— Поверьте, — сказал он мягко, — нет.

Меган подошла ближе и положила руку мне на плечо.

— Это временно, Эшли, — сказала она негромко. — Просто чтобы тебе стало легче.

Я посмотрела на неё. Её глаза были тёплыми и заботливыми. И всё же где-то глубоко внутри меня шевельнулось неприятное ощущение: словно меня снова бережно и аккуратно отводят от правды.

— Хорошо, — сказала я наконец.

Врач удовлетворённо кивнул.

— Я выпишу рецепт. Начнёте уже сегодня.

Мы вышли из клиники уже под вечер. Внутри меня было странное чувство — будто я только что согласилась на что-то важное, не до конца понимая, на что именно.

Небо затянуло низкими серыми облаками, и воздух стал плотнее, город готовился к дождю. Я глубоко вдохнула, стараясь избавиться от липкого ощущения, оставшегося после

кабинета врача.

— Я провожу тебя, — сказала Меган поспешно. — Чтобы... Чтобы не повторилось подобных эпизодов.

— Не нужно, — ответила я и попыталась улыбнуться. — Я вызову такси.

Она остановилась и посмотрела на меня внимательно, словно собиралась возразить, но передумала.

— Ты уверена?

— Да. Мне хочется побыть одной.

Меган кивнула, хотя по её лицу было видно — это решение ей не нравится.

Пока я вызывала такси, она стояла рядом, нервно перебирая ремешок сумки.

— Эшли... — начала она и замолчала.

— Что?

Она отвела взгляд.

— Просто если вдруг с тобой снова начнёт происходить что-то странное — сразу звони мне. Обещай.

— Конечно, — сказала я. — Ты же знаешь.

Она кивнула, но не улыбнулась.

— Понимаешь, — сказала Меган уже тише, — иногда память возвращается не так, как мы ожидаем. И... это может быть больно. Для всех.

Я подняла на неё глаза.

— Для кого — всех?

Меган задержала дыхание. Всего на мгновение.

— Для тебя, — сказала она. — И... для тех, кто рядом.
Такси подъехало как раз вовремя.

— Будь осторожна, — сказала она, наклоняясь и обнимая меня чуть крепче обычного.

Я почувствовала, как она напряглась, боясь отпустить.

Когда машина тронулась, я поймала её взгляд в боковом зеркале. Меган стояла у входа в клинику, неподвижная, маленькая на фоне серого здания. Но сейчас я почему-то не хотела, чтобы она была рядом.

Дом встретил меня тишиной.

Я поднялась по лестнице, достала ключи и уже собиралась открыть дверь, когда обратила внимание на почтовый ящик. Он был приоткрыт, и внутри ярко выделялись несколько цветных листовок. Они были аккуратно сложены и будто нарочно оставлены так, чтобы я их заметила.

Крупные буквы, оптимистичные цвета:

Бесплатное обследование. Современные методики, индивидуальный подход.

— Серьёзно? Снова эта дурацкая реклама? — пробормотала я.

Я даже не помнила, когда в последний раз оставляла где-то свои контакты, но листовки клиники появлялись у меня в ящике с завидной регулярностью.

Уже в квартире я сняла пальто, разулась и остановилась посреди коридора, прислушиваясь к тишине. Фраза Меган

не выходила из головы.

Это может быть больно. Для всех.

Кому может быть больно от того, что мои воспоминания ко мне вернутся? И что же такого произошло в прошлом...

Я прошла на кухню, достала из ящика новый флакон таблеток и поставила рядом со старым. Два пластиковых цилиндра с одинаковыми этикетками, обещающими стабильность.

Я взяла новый флакон в руки, повертела. Если они помогают, то почему мне так страшно их пить? И если они безопасны — почему каждый раз после них мир становится чуть менее живым?

Я вспомнила звуки скрипки, свет из окна, голос, зовущий меня по имени.

И то, как врач сказал: *«Поверьте, нет»*.

— Они же помогали мне раньше, — сказала я вслух, сама не зная, кому. — Врач бы не выписал их без необходимости.

Я открыла оба флакона, высыпала таблетки на ладонь и принялась рассматривать, будто видела их впервые. Белые, одинаковые, безликие.

Несколько минут я просто стояла посреди комнаты, пытаюсь понять, что чувствую. Потом подошла к мусорному ведру и, не давая себе времени передумать, выкинула таблетки. Флаконы полетели следом, пластик глухо ударился о дно.

Я смотрела на мусор, чувствуя странное облегчение и страх одновременно. Я не знала, что именно вернётся ко мне без этих таблеток, но впервые за долгое время это был мой

выбор. И где-то глубоко внутри я была уверена: если память найдёт дорогу обратно — она придёт не одна.

Глава 5. Близко к краю

Ночь прошла плохо.

Я проснулась ещё до будильника. Комната была тёмной и привычной, но сердце билось так, словно я только что спасалась бегством. Прислушиваясь к тишине, я лежала неподвижно и пыталась ухватить хотя бы обрывок сна.

Ничего.

Мне снились кошмары. Это ощущалось всем телом: тяжестью в груди, напряжением в плечах, странной пустотой в голове. Но сами сны ускользнули, растворились, как только я открыла глаза, оставив после себя неприятное послевкусие, будто я видела что-то важное и мне не позволили это удержать.

«Эффект отмены», — сказала я себе, вспоминая институтские лекции. Я повторила его несколько раз, пока не почувствовала, что дыхание становится ровнее.

О таблетках, а точнее, об их отсутствии в моей жизни, я решила никому не говорить. Особенно Меган. Я слишком хорошо представляла её реакцию: сначала обеспокоенность, потом мягкие, правильные слова, а потом — клиника, врач, коррекция, возвращение под контроль.

Мне нужно было прийти в себя самостоятельно. Нужно было вернуть контроль над своей жизнью.

Я собиралась медленно, машинально. Душ, одежда, кофе, который я так и не допила. В зеркале на меня смотрело лицо с чуть потускневшими глазами — не болезненное, но настроенное, как будто я всё время чего-то ждала.

На работу ехать не хотелось. Мысль о замкнутом пространстве машины вдруг показалась невыносимой, и я решила пройтись пешком, а заодно и проветрить голову.

Улица встретила меня прохладой. Утро было ясным, но ещё сонным: редкие машины, люди с наушниками, открывающиеся витрины. Я шла, стараясь чувствовать каждый шаг, каждый вдох. Движение действительно помогало — мысли постепенно успокаивались, тревога отступала. Я почти поверила, что день будет обычным.

— Эшли?

Голос прозвучал так, словно был совсем рядом.

Я остановилась так резко, что сердце снова рухнуло куда-то вниз. Передо мной стоял мужчина — чуть сбоку, не преграждая дорогу. В руках он держал небольшую аптечку, и этого оказалось достаточно, чтобы память болезненно дёрнулась.

— Мы уже встречались, — сказал он с улыбкой. — Вы столкнулись с велосипедистом, и я по счастливой случайности оказался рядом.

Я узнала его сразу. Не по лицу — по ощущению. По тому, как в груди что-то сжалось.

— Да, точно... — ответила я, помедлив. — Спасибо вам ещё раз за помощь.

— Я рад, что вы в порядке, — сказал он, внимательно глядя на меня. — Кстати, как вы себя чувствуете?

Вопрос прозвучал заботливо, чересчур интимно.

— Нормально, — сказала я и тут же поймала себя на желании сделать шаг назад.

Он был слишком... приятным. Слишком внимательным. Его улыбка была выверенной, голос мягким, движения спокойными. Как будто он заранее знал, как именно нужно себя вести, чтобы не вызвать сопротивления.

— Я увидел вас чуть дальше по улице и решил, что стоит убедиться, что вы в порядке, — добавил он. — Но не решался подойти. Боялся, что вы меня не узнаете.

Это должно было показаться неловким, может быть, даже милым. Но вместо этого я почувствовала, как по спине пробежали мурашки.

— Мне пора, — сказала я торопливо.

— Я тут подумал, — он чуть наклонил голову. — Может быть, мне, как вашему спасителю, полагается чашечка кофе. Тут есть отличное кафе за углом.

— Нет, — ответила я резче, чем собиралась.

Мужчина сделал шаг ближе.

— Вы выглядите уставшей, — сказал он. — Иногда нужно позволить себе паузу.

В этот момент я снова слышала голос где-то глубоко:

«Поворачивай налево на оживлённую улицу. И беги».

У меня перехватило дыхание.

— Мне правда нужно идти, — сказала я быстро. — Хорошего дня.

Я развернулась.

Его рука сомкнулась на моём запястье. Сильная, уверенная. Меня резко притянули назад, и я почувствовала, как к лицу прижимают ткань. Запах был сладковатым, чужим, вызывающим тошноту. Я попыталась вяло сопротивляться, но не смогла.

Мир качнулся. Я дёрнулась из последних сил, попыталась закричать, но звук застрял где-то в горле. Ноги стали ватными.

«Беги», — сказал голос в последний раз перед тем, как тьма накрыла меня с головой.

Память возвращалась рваными кадрами.

Чёрный минивэн. Холодный металл.

Чужие руки.

Смазанные лица, без деталей. Мужчины в чёрном. Запах резины и бензина.

Я кричала. Или мне казалось, что кричала.

— Эшли!

Имя прорезало шум, как нож.

Он появился внезапно — тот самый мужчина из кабинета. Его лицо было совсем другим: жёстким, сосредоточенным,

злым. Он двигался быстро. Удар. Крик. Кто-то падает.

Снова моё имя. И потом пустота.

Я очнулась резко, вдохнув воздух так жадно, будто только что вынырнула из-под воды. Первое, что я увидела, — потолок своей спальни. Лампа, тень от шторы. Я была дома.

Я медленно повернула голову, боясь увидеть что-то чужое.

Он сидел рядом с кроватью. Мужчина, который приходил ко мне на сеанс. Его плечи были напряжены, взгляд внимательный.

— Ты проснулась, — сказал он негромко и почти коснулся моего лица, но тут же одёрнул руку.

Его голос был знакомым и почему-то успокаивающим.

— Ты в безопасности, — добавил он, когда я попыталась пошевелиться. — Всё закончилось.

Я хотела спросить слишком многое. Что произошло, кто он, откуда он меня знает, почему он здесь. Но вместо этого я вдруг почувствовала усталость — глубокую, до костей.

— Я здесь, — повторил он, отвечая на невысказанный вопрос. — Отдыхай, теперь всё будет хорошо.

И вопреки здравому смыслу, мой затуманенный разум ему поверил.

Когда я открыла глаза в следующий раз, за окном было темно. Я медленно приподнялась на локтях, голова гудела, простыня была мокрая от пота.

Он сразу заметил движение.

— Не спеши, — сказал он приглушённо. — У тебя может кружиться голова.

— Где... — голос сорвался, и мне пришлось прочистить горло. — Где я?

Он нахмурился. Не удивлённо, скорее встревоженно.

— У себя дома.

— Откуда ты знаешь, где я живу? — спросила я испуганно.

Вопрос повис между нами, острый и прямой.

Он не отвернулся.

— Ты сама сказала адрес, — ответил он после короткой паузы. — Уже в машине. Ты была не в себе.

— В какой машине?

Он вздохнул, будто готовился к этому разговору.

— Я вытащил тебя из минивэна. Ты не сопротивлялась, но... — он запнулся. — Они тебя чем-то усыпили.

Я сжала пальцы в кулак.

— Кто «они»?

— Я как раз хотел спросить тебя о том же, — сказал он. — Ты их знаешь?

Я помотала головой. Движение отозвалось тупой болью в висках.

— Нет. Но... — я замялась, не зная, стоит ли ему рассказывать. — Пару дней назад один из них настойчиво пытался увезти меня. Говорил о какой-то клинике.

Мужчина напрягся.

— О клинике? — переспросил он.

— Да. Я столкнулась с велосипедистом, и мужчина появился словно из ниоткуда.

Он опустил голову и провёл рукой по лицу, стирая усталость.

— Значит, они ускорились, — пробормотал он еле слышно.

— Что?

— Ничего, — он тут же посмотрел на меня. — Просто это многое объясняет.

— Что объясняет? — спросила я.

Он снова сделал паузу.

— Скажи, — начал он мягко, — ты помнишь момент, когда потеряла сознание?

Я вспомнила ткань. Запах. Голос.

— Частично.

— Этого достаточно, — сказал он. — Тебе повезло.

— Повезло? — я не удержалась от нервного смешка. — Меня похитили.

— Но не увезли, — спокойно ответил он. — И ты здесь.

— Благодаря тебе? — уточнила я.

— Да.

— Почему?

Он посмотрел на меня внимательно, будто выбирая версию, которую можно сказать вслух.

— Потому что я оказался рядом, — пожал плечами он. —

И потому что не смог пройти мимо.

— Ты слишком вовремя оказался рядом, — сказала я язвительно.

Он кивнул, принимая упрёк.

— Я понимаю, как это звучит.

— Тогда объясни, — сказала я, — кто ты такой.

Он чуть улыбнулся — устало, без флирта.

— Рафаил, — сказал он. — Просто Рафаил.

— Просто Рафаил, — повторила я. — Который сначала приходит ко мне в качестве пациента, потом дерётся с группой мужчин, знает мой адрес и сидит у моей кровати.

— Когда ты так это формулируешь, — он хмыкнул, — это звучит хуже, чем есть на самом деле.

— Тогда сделай, чтобы звучало лучше.

Он сел удобнее, опёрся локтями о колени.

— Скажем так, я работаю в сфере безопасности, — начал он медленно. — Частной. Иногда нас нанимают сопровождать людей, иногда наоборот, следить, чтобы их не забрали против воли.

— Кто тебя нанял? — спросила я.

— В этот раз никто.

Я прищурилась.

— Очень убедительно.

— Я знал, что ты это скажешь, — он не обиделся. — Слушай, я видел, как за тобой следят. Не один день. Сегодня понял, что они перешли границу.

— Откуда ты меня знаешь? — спросила я тихо.

Этот вопрос был важнее всех остальных.

Он замолчал. Комната наполнилась тиканьем часов и шумом города за окном.

— Мы пересекались раньше, — сказал он наконец неуверенно. — До аварии.

У меня перехватило дыхание.

— Пересекались — это как?

— Не близко, — быстро добавил он. — Не так, как ты сейчас подумала.

Ложь. Я почувствовала её кожей.

— Тогда почему ты смотришь на меня так, словно боишься, что я исчезну? — спросила я.

Он сжал челюсть.

— Потому что ты только что пережила нападение, — ответил мужчина. — Это нормально.

— Нет, — я помотала головой. — Ты смотришь так, будто уже терял меня.

Рафаил не ответил сразу. Когда он заговорил, голос был ниже.

— Иногда люди знают друг друга больше, чем помнят, — сказал он. — Память — не единственное, что остаётся.

Внутри меня что-то дрогнуло.

— Ты говорил, что любишь меня? — спросила я внезапно.

Он вздрогнул. Совсем немного.

— Что? Конечно, нет, — сказал он слишком быстро. —

Я этого не говорил.

Но и не сказал «нет» так, как говорят правду.

— Ты что-то сделал со мной? — спросила я. — С моей памятью.

Тишина стала почти невыносимой.

— Я сделал всё, чтобы ты выжила. После... аварии, — сказал он наконец. — И чтобы ты могла жить дальше.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который я могу дать сейчас.

Я закрыла глаза на секунду. Когда открыла, он всё ещё был здесь.

— Рафаил, — сказала я. — Если ты врёшь мне...

— Я знаю, — ответил он. — И я приму любые последствия, когда придёт время.

— А сейчас?

— Сейчас тебе нужно быть осторожной, — сказал он. — И не доверять никому без необходимости.

— Даже тебе?

Он посмотрел прямо на меня:

— Особенно мне.

Эта фраза испугала меня больше всего. Я хотела задать еще тысячи вопросов — про аварию, про то, что было до. Но силы предательски покидали меня.

Мужчина заметил это, беззвучно опустил на постель рядом со мной и легонько коснулся моей руки.

— Поспи ещё немного, Эшли, — сказал он мягко и его

голос зазвучал убаюкивающе. — А потом мы всё обсудим.

— Обещаешь? — сонно спросила я.

Он кивнул, и я снова провалилась в сон.

Сон был неглубоким, тревожным. Я несколько раз выныривала на поверхность, слыша приглушённые звуки: шаги, шорох ткани, тихий вздох. Иногда мне казалось, что кто-то сидит рядом, иногда, что я снова в машине, и потолок над мной слишком низкий. Но каждый раз меня удерживал всё тот же запах — луговые цветы, тёплый, невозможный для города. Он словно говорил: *ты не одна*.

Я проснулась окончательно, когда за окном стало светлее.

Комната была залита бледным утренним светом. Я сразу поняла, что он всё ещё здесь — по изменившемуся воздуху, по ощущению чужого присутствия, которое невозможно спутать с предметом или тенью.

Он стоял у окна, спиной ко мне. Пальто небрежно лежало на краю дивана, рукава рубашки закатаны. Он выглядел так, будто провёл ночь без сна.

— Ты должен уйти, — сказала я прежде, чем успела подумать.

Он обернулся не сразу.

— Я знаю.

— Тогда почему ты всё ещё здесь?

Он смотрел на меня долго, внимательно, словно проверяя, действительно ли я проснулась.

— Потому что это небезопасно, — сказал Рафаил наконец.

— Для меня? — спросила я.

— Да...

Я села, подтянув колени к себе.

— Ты не имеешь права быть здесь, — сказала я тише. — Ты даже не объяснил, кто ты.

— Я объяснил достаточно, — ответил он спокойно.

— Нет, — возразила я. — Ты объяснил удобно.

Он усмехнулся, но в этом не было веселья.

— Иногда это одно и то же.

Между нами повисла пауза. Я чувствовала, как внутри поднимается раздражение — не резкое, а вязкое, упрямое.

— Ты знаешь обо мне больше, чем говоришь, — сказала я. — И ты это не отрицаешь.

— Я отрицаю лишь то, что тебе сейчас полезно знать всё сразу.

— Полезно для кого? — спросила я. — Для тебя?

Он снова замолчал. Подошёл ближе, но остановился, не нарушая границ.

— Я не должен был вмешиваться, — сказал он тихо. — Не должен был привозить тебя сюда, а тем более оставаться рядом с тобой так долго.

— Тогда зачем ты это сделал?

— Потому что альтернатива была хуже.

— Для меня?

— Для тебя, — подтвердил он. — И... для меня тоже.
Это признание прозвучало слишком честно.

— Ты боишься, — сказала я вдруг, цепляясь за самое очевидное.

Он поднял глаза.

— Да.

— Чего?

Он открыл рот, собираясь ответить, но вместо этого шумно выдохнул.

— Что ты вспомнишь не то, — сказал он. — Или вспомнишь слишком рано.

— *Что* я вспомню? — наредила я.

— То, что заставит тебя или меня снова сделать выбор, — сказал он и, помедлив, добавил. — А я не уверен, что имею право ещё раз быть его частью.

Слово *снова* резануло слух.

— Ты уже делал за меня выбор, — озвучила я вслух свою догадку.

Он не стал отрицать.

— Я сделал то, что считал единственно возможным.

— И это разрушило мою память?

— Это сохранило тебе жизнь, — ответил он жёстче, чем раньше, потом смягчился. — Остальное было... побочным эффектом.

— Побочным эффектом? — мои щёки пылали. — Серьёзно?

Я отвернулась, чувствуя, как по телу поднимается холод.
— Ты не должен был решать за меня, — сказала я спокойнее.

— Я знаю, — сказал он шёпотом. — Поэтому я здесь. И поэтому мне нельзя здесь оставаться.

Он взял пальто, задержался на секунду, словно хотел сказать что-то ещё, но передумал.

— Они могут вернуться, — сказал он вместо этого. — Если с тобой попытаются вступить в контакт незнакомые люди или что-то в их поведении будет казаться странным, ты уходишь. Сразу. Поняла?

— А если это будешь ты? — спросила я, не сдерживая сарказма.

Он посмотрел на меня внимательно.

— Тогда ты уходишь еще быстрее.

Рафаил направился к двери, но на пороге остановился.

— Ты правда ничего не помнишь обо мне? — спросил он, не оборачиваясь.

Я на секунду зажмурилась. Скрипка. Окно. Силуэт.

— Нет, — сказала я.

Он нервно кивнул.

— Тогда, возможно, у нас ещё есть шанс сделать всё правильно, — сказал он и добавил уже тише: — Если ты мне этого не запретишь.

Дверь закрылась. Я осталась одна — с тишиной, запахом цветов и странным ощущением, будто из моей жизни толь-

ко что ушёл человек, который никогда не должен был в неё возвращаться. Или никогда не должен был из неё уходить.

Ещё несколько минут я сидела неподвижно, прежде чем потянуться к телефону. Экран загорелся ослепительно ярко, резанув по глазам, и я машинально прищурилась. Пропущенные вызовы: администратор клиники — три раза подряд. Меган. Снова Меган. Ещё раз администратор.

Сообщения я даже не стала открывать. Одних имён было достаточно, чтобы понять: моё отсутствие заметили, и это уже вызывает вопросы.

На мгновение мне захотелось выключить телефон и оставить его на тумбочке. Сделать вид, что мир может подождать. Что если я просто полежу ещё немного, всё само встанет на свои места. Но это было бы ложью.

Самым разумным казалось вернуться туда, где всё ещё существовали правила. В клинику. В расписание, в кабинеты, в знакомый порядок вещей. Если я продолжу жить как обычно, возможно, и жизнь снова станет обычной.

Я быстро оделась. В зеркале мелькнуло моё отражение — собранное, слишком спокойное для человека, которого накануне пытались похитить. Я задержала взгляд на своих глазах, словно ожидала, что они выдадут что-то лишнее. Ничего.

В клинике было непривычно тихо. Меган стояла у входа в холл. Она увидела меня сразу — её плечи дёрнулись, будто

она ждала. Подруга пошла мне навстречу быстро, слишком решительно.

— Наконец-то, — сказала она. — Где ты была?

Её голос был ровным, но в нём чувствовалось напряжение.

— Дома, — ответила я. — Кое-что случилось.

— Что именно? — подруга смотрела прямо на меня, не моргая.

— Давай не здесь, — шёпотом сказала я, осматриваясь по сторонам.

Мы прошли в ближайший свободный кабинет. Меган закрыла дверь, повернула замок — жест привычный, рабочий, но сейчас он показался мне странным.

Я рассказала ей о нападении. О мужчине с аптечкой, о дороге, о минивэне и провалах в памяти. Подбирала слова осторожно, будто шла по тонкому льду. Имя Рафаила я не произнесла ни разу. Даже в мыслях старалась обходить его стороной.

Меган слушала молча. Чем дальше я говорила, тем жёстче становились её черты. Она скрестила руки на груди, потом разжала пальцы, словно боролась с желанием что-то сломать.

— Это уже слишком, — сказала она, когда я замолчала. — Я позвоню знакомому в полиции, и мы всё выясним.

— Хорошо, — сказала я, хотя это «выясним» прозвучало неубедительно.

— Но не сегодня, — добавила она после короткой паузы.

— Сегодня тебе нужно уехать.

Я удивлённо посмотрела на неё.

— Уехать?

— Ко мне. Точнее, к моим родителям в соседний город, — она говорила быстро, не давая мне вставить слово. — Ты перенервничала и тебе нужна смена обстановки. Да и я давно собиралась их навестить.

— Меган, я не уверена, что...

— Я уже договорилась с директором, — перебила она. — У тебя внеплановый отпуск. Клиентов предупредили.

— Ты *что* сделала? — спросила я медленно.

— Всё, что нужно, — ответила она и впервые за весь разговор отвела взгляд. — Поверь, так будет лучше.

Слова прозвучали до боли знакомо.

Я сомневалась. Чувствовала это сомнение почти физически — где-то под рёбрами, тяжёлым комком. Но усталость была сильнее. И если быть честной, мне хотелось исчезнуть хотя бы на пару дней.

— Хорошо, — сказала я наконец. — Поедем.

Меган шумно выдохнула.

Дома я собрала небольшую сумку. Пару смен одежды, ноутбук, зарядку, документы. Я задержалась у кухонного стола, глядя на пустое место, где раньше стояли флаконы с таблетками.

«Ты делаешь всё правильно», — сказала я себе.

Меган заехала за мной в девять. Я плюхнулась на заднее сиденье старого седана в надежде поспать по дороге — усталость не отпускала меня.

Подруга всю дорогу улыбалась, старалась выглядеть непринуждённой, но я замечала детали: как часто она смотрит в зеркало, как крепко держит руль, как резко реагирует на любой звук.

Мы выехали за город. Свет фар выхватывал куски дороги, деревья, указатели. Я смотрела в окно, пытаюсь расслабиться.

Через некоторое время я поняла, что дорога мне незнакома.

— Мы свернули не туда, — сказала я.

— Всё нормально, — ответила Меган поспешно. — С нами поедет мой друг. Мы его заберём и сразу поедem дальше.

— Какой друг? — спросила я.

Она на секунду замялась.

— Ты его знаешь, — сказала она и впервые за всё время не пыталась улыбнуться. — В каком-то смысле.

Машина остановилась. Задняя дверь открылась, и в салон проник холодный воздух. Кто-то сел рядом со мной. Резкий запах ударил в нос раньше, чем я успела повернуться.

Я обернулась.

Это был доктор Ричардс. Его лицо было спокойным, почти доброжелательным.

— Добрый вечер, Эшли, — сказал он так, словно мы

встретились случайно.

Я медленно посмотрела на Меган.

— Ты не говорила, что вы... друзья, — сказала я изумлённо.

— Прости, — ответила она, не глядя на меня. — Так будет лучше.

— Что? — спросила я.

Она не ответила.

Я почувствовала укол в шею — резкий, профессиональный. Даже не боль, скорее давление. Я попыталась отпрянуть, но тело уже начало предавать меня.

— Всё хорошо, — сказал доктор спокойно. — Просто расслабься.

Мир поплыл.

Последнее, что я увидела, — отражение Меган в зеркале заднего вида. Её губы дрожали, а в глазах стояли слёзы.

Глава 6. Хрупкая близость

Сознание возвращалось слоями: сначала запах — простой, нейтральный, гостиничный, с примесью дешёвого кофе. Потом звук — далёкий гул машин, приглушённый стеклом. И только потом свет, пробившийся сквозь тонкие шторы и мягко легший на потолок.

Я открыла глаза.

Где я...

Я резко села, и мир тут же качнулся. В висках вспыхнула боль — не острая, а тяжёлая, тянущая. Стиснув зубы, я переждала, пока она немного отступит, и только потом осмотрелась.

Маленькая гостиничная комнатка, узкая кровать, потёртый ковёр. Старый шкаф с зеркалом, которое отражало слишком много света. Стол у окна. На нём стоял поднос: чашка с чаем, тосты, маленькая упаковка масла, яблоко. Всё выглядело продуманным, заботливым. Рядом две таблетки, выложенные на салфетке.

Я машинально потянулась к ним... и тут же остановилась.

Память ударила рывком.

Машина. Голос Меган.

Укол.

Я резко отдернула руку и прижала ладонь к шее. Кожа бы-

ла чувствительной, но следа почти не осталось.

— Нет... — прошептала я. — Два похищения за несколько дней — это перебор даже для фантастических фильмов, не говоря уже о моей жизни.

Я попыталась восстановить цепочку событий, но мысли рассыпались. Было ощущение, что кто-то намеренно вырвал из неё несколько звеньев.

Дверь открылась беззвучно, и я вздрогнула всем телом. Мужчина вошёл осторожно, будто боялся напугать. На секунду остановился у порога, глядя на меня так, словно проверял действительно ли я здесь, действительно ли жива.

Рафаил.

Он выглядел уставшим. Под глазами залегли тени, рубашка смята, рукава закатаны небрежно. Но взгляд был всё тем же. Тёплым, сосредоточенным, болезненно внимательным.

— Это становится плохой традицией, — сказал он негромко. — Постоянно вытаскивать тебя из чужих рук.

Я смотрела на него, не в силах сразу заговорить. Вместо страха, который должен был быть, я почувствовала что-то другое. Облегчение. Глупое, неуместное, но такое сильное, что оно почти причиняло боль.

— Где я? — спросила я наконец.

Он подошёл ближе, но не спешил. Каждый его шаг был осторожным, выверенным.

— Маленькая гостиница у трассы, — ответил он. — Не самое уютное место, но пока безопасное.

— Ты... — я сглотнула. — Ты снова меня спас?

Он сел на край кровати, не касаясь меня, но достаточно близко, чтобы я чувствовала тепло его тела. Его присутствие успокаивало против воли — мой организм узнавал его раньше разума.

— Как голова? — спросил он.

— Шумит, — призналась я.

Он потянулся к столу, взял чашку, проверил её рукой.

— Горячий, — сказал он и протянул мне чай. — Пей маленькими глотками.

Я взяла чашку. Наши пальцы на мгновение соприкоснулись, и он не отдернул руку сразу. Потом осторожно, почти невесомо, заправил выбившийся локон мне за ухо. Этот жест хоть и был слишком интимным, но казался таким привычным.

Я замерла.

— Ты... — начала я и замолчала. — Я ничего не понимаю.

— Я знаю, — сказал он.

— Кто меня похитил? — слова выходили с трудом. — Почему Меган? При чём тут доктор Ричардс?

Он отвёл глаза, словно это было труднее всего — смотреть на меня именно сейчас.

— Ты в опасности, — сказал он.

— Ты так говоришь каждый раз, — я сжала чашку в руках.

— Тебе надо уехать, — устало произнёс мужчина. — Я помогу всё устроить.

— Уехать куда? — произнесла я шёпотом. — И почему я должна тебе верить?

— Потому что времени становится всё меньше, — ответил он.

— Нет, — я помотала головой. — Я никуда не поеду, пока ты всё не объяснишь. И мы вызовем полицию.

Он долго молчал. Потом устало вздохнул, подошёл к столу и взял мой ноутбук.

— В момент аварии, — сказал он, не оборачиваясь, — ты умерла.

Комната сжалась и шум в голове усилился.

— Что... — я не смогла договорить.

Он вернулся ко мне, сел ближе.

— Клиническая смерть, — продолжил он спокойно. — Сердце остановилось. Дыхание тоже.

— Мне говорили... — прошептала я.

— Тебе говорили то, что позволяло жить дальше, — мягко сказал он.

Он включил видео.

Запись была дрожащей, снятой на телефон. Шум дороги. Чьи-то голоса. Я увидела себя — неподвижную, лежащую на асфальте. Кто-то кричал, чтобы вызвали скорую. Кто-то говорил, что *«уже поздно»*.

В кадре мелькнули цифры времени.

— Вот здесь, — Рафаил указал пальцем. — За четыре минуты до приезда скорой.

Я видела, как моё тело вздрагивает. Как грудь судорожно поднимается. Кто-то вскрикивает.

— Сердце запустилось само, — сказал он. — Без реанимации. Без вмешательства.

У меня задрожали руки.

— Это... это бывает, — прошептала я. — Редко, но...

— Бывает, — согласился он. — Но не так.

Он пролистал дальше. Остановился на стоп-кадре.

— Они называют это аномалией, — сказал он.

— Кто *они*?

— Лаборатория, — ответил он. — Частная. Очень хорошо финансируемая. Они изучают людей, которые... возвращаются.

Я смотрела на экран, не в силах оторваться.

— И Меган? — спросила я. — И тот врач?

Он посмотрел на меня так, будто ответ был очевиден, и пролистал запись дальше — машинально, будто забыл, что я всё ещё смотрю.

Кадры сменялись рывками: суета, голоса, кто-то на заднем плане плакал. Потом изображение дёрнулось, и я увидела себя снова. Лежащую на асфальте, неподвижную.

— Хватит, — сказал он вдруг и потянул ноутбук к себе. — Это лишнее.

Но было уже поздно. Я заметила движение у края кадра.

— Подожди, — сказала я и наклонилась ближе.

Он замер. Его пальцы сжались на корпусе ноутбука, но он

не отключил запись.

На видео рядом с моим телом появился человек. Не медик и не случайный прохожий. Он двигался иначе — слишком уверенно, слишком целенаправленно. Присел рядом, наклонился ко мне, заслоняя камеру спиной.

— Кто это? — спросила я, уже зная ответ.

Рафаил выдохнул и попытался убрать компьютер.

— Эшли, не нужно...

Я резко выхватила его из рук. Он не сопротивлялся. Даже не попытался.

Пальцы дрожали, когда я поставила запись на паузу и увеличила изображение. Качество было плохим — смазанные контуры, искажённый свет фонарей. Но этого оказалось достаточно.

Силуэт, линия плеч, наклон головы. Лицо — размытое, но узнаваемое.

Я медленно подняла на него глаза.

— Это был ты?

Вопрос прозвучал тише, чем я ожидала. Почти спокойно.

Он смотрел на меня долго. В его взгляде не было попытки соврать, только усталость и что-то похожее на вину.

— Да, — сказал он наконец.

— Ты был там, — произнесла я, чувствуя, как слова оседают где-то глубоко. — В момент, когда я...

— Да, — устало повторил Рафаил.

Я снова посмотрела на экран. На человека, склонившего-

ся над моим телом. Надо *мною*.

— Значит, ты был со мной, — сказала я.

Он приблизился, осторожно, боясь меня спугнуть, и я почувствовала его горячее дыхание рядом со мной.

— Я всегда был рядом, — сказал он тихо. — Просто не всегда так, как ты могла бы это помнить.

Мне стало страшно. Но сквозь этот страх, вопреки ему, я чувствовала странное, тёплое спокойствие.

Если он был там — в тот момент, когда всё оборвалось, когда я лежала на холодном асфальте и мир уже не ждал от меня дыхания, значит, даже смерть не была пустотой. И возможно, то, что вернуло меня обратно, было не случайностью — а чьим-то решением остаться рядом.

Я медленно подняла на него глаза. Слезы уже стояли в них — я чувствовала это, но не пыталась остановить. В этот момент мне было всё равно, как я выгляжу. Всё внутри дрожало, меня словно вывернули наизнанку.

— Ты... — голос сорвался сразу. Я сглотнула и попробовала снова. — Ты спас меня?

Он отвёл взгляд мгновенно. Это движение было слишком знакомым — как у человека, который знает ответ, но не имеет права его произнести.

— Эшли... — начал он.

— Нет, — я помотала головой. — Посмотри на меня. Скажи.

Он молчал.

— Это не так просто, — сказал он наконец.

— Мне плевать, просто это или нет! — мой голос дрогнул, сорвался, почти перешёл в крик. — Я должна знать!

Рафаил вздрогнул, будто я ударила его.

Тишина растянулась, стала вязкой, невыносимой. Потом он медленно выдохнул — так, словно сдавался не мне, а чему-то гораздо большему.

— Да, — сказал он. — Я спас тебя.

— Как? — спросила я сразу. — Как, Рафаил?

Я уже не пыталась сдерживать слёзы.

— Я видела запись. Ты не делал ничего. Ни массажа сердца, ни дыхания. Ты просто... был рядом.

Он закрыл глаза. Его лицо изменилось, на нём проступила боль, которую он слишком долго прятал. Он провёл рукой по волосам, сжал переносицу.

— Этого я не могу объяснить, — сказал он глухо.

— Почему?

Он посмотрел на меня. В его взгляде было слишком много всего сразу — вины, усталости, страха... и чего-то ещё, гораздо глубже.

— Потому что тогда тебе придётся жить с этим знанием, — сказал он. — А я не уверен, что имею право на это.

— Да что со всеми вами не так?! — закричала я, и мой голос отозвался эхом по комнате. — Почему вы решаете, что лучше меня знаете, как я должна жить? Что должна помнить, а что нет?

— Эшли... — он протянул ко мне руку в попытке успокоить.

— Нет! — заорала я и вскочила с кровати.

Не чувствуя ног, я побрела в ванную. Закрыла дверь, проверила замок дважды, включила воду на полную, чтобы заглушить всё: мысли, страх, собственное дыхание.

Я сползла по двери на пол, обхватила колени руками и заплакала.

Тихо не получилось. Слёзы лились сами — горячие, неконтролируемые. Я зажимала рот ладонью, но тело всё равно дрожало. Мир, в котором я жила, рассыпался окончательно, и на его месте оставалась пугающая пустота, наполненная вопросами без ответов.

Сквозь шум воды я всё равно знала, что он не ушёл. По другую сторону двери Рафаил сел на пол. Я чувствовала это почти физически, как чувствуют присутствие человека в темноте.

Он был там.

И почему-то это было единственным, что удерживало меня от окончательного падения.

Я вышла не сразу. Сначала выключила воду, потом просто стояла, упираясь лбом в холодную плитку, пока дрожь не стала тише.

Когда открыла дверь, свет из комнаты резанул глаза. Рафаил сидел там же, где я его и чувствовала, — у стены рядом

с ванной. Не под самой дверью, не слишком близко. Оставляя мне пространство даже сейчас.

Он поднялся сразу, но шаг вперёд не сделал.

— Ты... — начал он и тут же остановился, переформулировал. — Ты как? Голова не кружится?

Я помотала головой. Волосы были влажные, кожа на лице стянута от холодной воды.

— Хочешь сесть? — спросил он.

— Я уже сидела, — ответила я ровно.

Он кивнул, принимая это как отказ, и замолчал. Несколько секунд мы просто смотрели друг на друга. Я видела, как он напряжён — не внешне, а глубже, в плечах, в том, как он держит руки, будто готов в любой момент подхватить... или отступить.

— Я никуда не уеду, — сказала я сухо.

Он моргнул.

— Эшли...

— Нет, — я подняла руку. — Дай договорить. Я не собираюсь прятаться, менять города, имена, стирать себя по кускам, потому что кому-то так удобнее.

Он медленно выдохнул, потер лоб.

— Ты не понимаешь, во что ввязываешься.

— Вот именно, — я посмотрела ему в глаза. — Я не понимаю. И это самая большая проблема.

Рафаил шагнул ближе, но тут же остановился, словно вспомнил обещание держать дистанцию.

— Они не играют честно, — сказал он сухо. — Это не что-то, с чем можно бороться открыто. Они похищают людей, Эшли.

— Это я уже поняла — спокойно ответила я. — Дважды. Он дёрнулся.

— Чего ты хочешь добиться? — спросил он после паузы.

— Я хочу выбирать, — сказала я. — А не просыпаться в чужих комнатах с таблетками на салфетке.

Он закрыл глаза на секунду. Когда открыл — в них было то же самое выражение, что и раньше. То, от которого у меня сжималось что-то в груди, даже если я не могла вспомнить почему.

— Это слишком опасно, — холодно сказал он и вдруг осёкся.

Я видела момент, когда он понял, что сейчас скажет дальше. И понял, что не имеет на это права.

— Скажи это, — попросила я с лёгкой усмешкой. — Скажи, что ты снова знаешь лучше.

Он молчал.

— Вот именно, — я кивнула. — Я всё равно буду этим заниматься. С тобой или без тебя. Я найду лабораторию и всё выясню.

Его челюсть напряглась.

— Я не отпущу тебя одну, — сказал он жёстко. — И не потеряю снова.

Слово «снова» повисло в воздухе.

— Значит, уже терял? — спросила я.

Он не ответил. Но и не отвернулся.

— Хорошо, — сказала я после паузы. — Тогда давай не будем делать вид, что это первый раз.

Он сел за стол, провёл ладонью по поверхности, приводя мысли в порядок.

— Начинать нужно не с них, — сказал он. — А с тебя.

— Я так и думала.

— Доктор Ричардс, — продолжил он. — Он не верхушка. Скорее исполнитель. Но у него может быть доступ к первичным данным. Можем начать с него.

Я напряглась.

— Мы можем поехать к нему в клинику, — сказала я, — Но я не уверена, что он всё ещё там будет после... после всего произошедшего. Он же понимает, что я видела его в машине.

— Мне кажется, есть один человек, который может знать, где он, — произнёс он тихо. — Но тебе не понравится...

— Меган?

Он кивнул.

— Возможно, она думает, что защищает тебя. И если мы подойдём правильно... — он замолчал. — Она может заговорить.

Тишина снова стала плотной.

— Значит, план такой, — сказала я, заставляя голос звучать твёрдо. — Мы начинаем с Меган. Потом Ричардс. По-

том всё остальное. Без побегов.

Я посмотрела на Рафаила внимательно и добавила:

— И без решений за моей спиной.

Он встал и поднял руки, как будто сдаваясь.

— И без героизма, — добавил он. — Ты не обязана справляться с этим одна.

Я посмотрела на него.

— Но я ведь не одна? — уточнила я, внимательно глядя ему прямо в глаза.

— Ты никогда не была одна, — ответил он.

В этот момент — несмотря на страх, на пустоты в памяти — я поняла одну вещь совершенно ясно: что бы ни было между нами раньше, это было не случайно. И оно ещё не закончено.

— Тебе нужно поспать, — сказал он наконец.

В его голосе не было приказа. Скорее осторожная забота, как будто он боялся, что одно неверное слово снова разрушит хрупкое равновесие.

Я помотала головой.

— Я не хочу. И даже не думай меня заставлять.

Он посмотрел на меня дольше обычного. Не оценивающе, а прислушиваясь, не к словам, а к тому, что за ними.

— Я почти забыл, какая ты упрямая, — вздохнул он. — Тогда пойдём.

— Куда? — нахмурилась я.

Он уже отвернулся, накидывая куртку, не ответив на мой

вопрос.

— Хотя нет, тебе лучше остаться здесь, — добавил он весело.

Я вспыхнула. То ли от очередного запрета, то ли от того, что меня только что переиграли на моём же поле.

Нас окутала прохлада ночи. Воздух был влажный, пах асфальтом и чем-то зелёным, ночным. Парковка у гостиницы была пустой. Рафаил открыл мне дверь машины спокойным, выверенным жестом и, только когда сел за руль, я заметила напряжение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.